Б.М. X-3-8
б

Слюпин Н.

Б. М. Х. 3. 8.
II-37263 р.
Резерв
Слюнинъ. Н.
БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.
3341/8. М.

ВОДНЫЯ БОГАТСТВА ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Изученіе мѣстныхъ богатствъ края есть одно изъ главныхъ условій его экономическаго благосостоянія; край, обдѣленный природой и лишенный, такъ сказать, естественныхъ источниковъ существованія, не имѣетъ никакой будущности: одинаково трудно оживить какъ пустынную тундру сѣвера, такъ и обезжизненную котловину Сахары. Это изученіе должно быть полнымъ и всестороннимъ и потому никогда не можетъ быть выполнено туземнымъ населеніемъ, если послѣднее стоитъ на степени культуры чуть не первобытнаго дикаря. Задача правительства и науки въ томъ и состоитъ, чтобы, провѣдавъ про эти мѣстныя богатства, подвергнуть ихъ всесторонней разработкѣ и, если возможно, широкой эксплоатаціи. Эти общія положенія культурнаго развитія страны далеко, однако, не приложимы къ Приморской области Восточной Сибири. Насколько быстро произошло ея занятіе и присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ, настолько потомъ медленно шла эксплоатація богатствъ этого обширнаго района. Какъ извѣстно, завоеваніе шло съ сѣвера на югъ; первымъ былъ учрежденъ Анадырскій Острогъ въ 1649 году и собранъ ясакъ съ чукчей; въ 1697 году Атласовъ и Морозко устроили Верхне-камчатское зимовье; въ 1850 году, благодаря неимовѣрнымъ трудамъ и беззавѣтному служенію идеѣ Невельскаго, Россія раздвинула свои владѣнія до границъ Кореи.

Такой быстротѣ занятія новыхъ земель далеко не соотвѣтствовало наше ознакомленіе съ ними. Не смотря на цѣлый рядъ ученыхъ и административныхъ экспедицій, бывшихъ въ разныхъ уголкахъ теперешней Приморской области, вопросъ объ изученіи мѣстныхъ богатствъ остается пока далеко не обслѣдованнымъ. Наше знакомство съ краемъ и практическая утилизація находимыхъ въ немъ богатствъ шли въ обратномъ занятію страны направленіи — съ юга на сѣверъ, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ это можно было ожидать—въ краѣ, такъ быстро растущемъ, какъ, напр., Владивостокъ и его окрестности, съ началомъ великаго сибирскаго желѣзнаго пути.

Трудно предрѣшить, какъ велико и важно будетъ это окно на таинственный востокъ; но задача каждаго, до выясненія этихъ міровыхъ условій нашей желѣзнодорожной станціи на восточной окраинѣ Сибири, сообщать матеріалы и указывать тѣ области эксплоатаціи богатствъ, которыя послужатъ не только новымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, но и создадутъ новое экономическое положеніе заброшенныхъ на окраинѣ инородцевъ, ожививъ расу, поднявъ ихъ духъ и положивъ основаніе будущему процвѣтанію и богатству края.

I.

Рыбныя богатства Камчатки.

Собственно говоря, рыбный вопросъ по всему побережью Приморской области заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ я въ этомъ убѣдился, обойдя всѣ бухты, начиная отъ Посьета до устья Амура и включивъ сюда южную часть Сахалина, Камчатку и землю чукчей, гдѣ я провелъ въ общей сложности четыре года. Но въ данномъ случаѣ я коснусь главнымъ образомъ Камчатки, гдѣ, въ качествѣ судоваго врача и натуралиста, я провелъ два лѣта 1892—1893 гг. Я хочу остановиться на тѣхъ рыбныхъ богатствахъ, какими издавна изобилуетъ Камчатка, но которыя, по странной случайности, до сихъ поръ мало привлекали вниманіе и правительства, и рыбопромышленниковъ. По пути, для уясненія вопроса о рыбныхъ промыслахъ Камчатки, я коснусь Сахалина и устья Амура, гдѣ японцы съ каждымъ годомъ все больше и больше расхищаютъ эти наши богатства.

Скоро исполнится 200 лѣтъ, какъ мы владѣемъ Камчаткой, но за этотъ двухвѣковой періодъ мы мало сдѣлали для изученія ея

богатствъ. Не считая отдѣльныхъ очерковъ, случайныхъ статей, личныхъ воспоминаній, я могу указать только два сочиненія, посвященныя описанію Камчатки: это знаменитое, но забытое публикой описаніе студента Крашенинникова (1737—1742) и г. Дитмара (1853—1855); каждый изъ нихъ прожилъ въ Камчаткѣ нѣсколько лѣтъ. Первое сочиненіе, хотя отличается полнотой и добросовѣстностью, но оно устарѣло для нашего времени и его нуждъ; второй трудъ носитъ спеціально научный характеръ геологическаго изслѣдованія, не касаясь разныхъ промышленныхъ сторонъ. Тогда какъ эти-то стороны для жителей полуострова составляютъ теперь вопросъ существованія. Исторія Камчатки въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна; я не буду ея подробно касаться, но оттѣню только тѣ обстоятельства, которыя довели ея жителей до теперешняго жалкаго прозябанія.

Съ перваго года присоединенія Камчатки главное вниманіе администраціи было обращено на собираніе пушнины — ясака, и первые, назначенные въ Камчатку управители, такъ называемые прикащики, прославились грабежемъ и жестокимъ притѣсненіемъ инородцевъ и казаковъ. Не успѣвалъ одинъ прикащикъ доѣхать до мѣста назначенія, какъ изъ Якутска назначался на смѣну ему другой, и не смотря на это, нѣкоторые успѣвали награбить себѣ значительное количество пушнины. Прикащики били туземцевъ, морили голодомъ, кололи ножами и копьями, лишали жизни, чтобы только добиться пушнины. Дѣло дошло до открытаго возстанія и кончилось такъ называемымъ камчатскимъ бунтомъ.

Съ открытія Берингомъ Авачинской бухты и основанія Петропавловска (въ 1741 г.) положеніе Камчатки измѣнилось. Съ одной стороны зарождалась мысль объ учрежденіи здѣсь морскаго порта, а съ другой—возникъ вопросъ о продовольствіи инородцевъ и служащихъ тамъ. Но такъ какъ истребленіе пушнаго звѣря шло въ широкихъ размѣрахъ, то хищническій промыселъ скоро оказался значительнымъ уменьшеніемъ лисицъ и соболей. Инородцу не на что было покупать и вымѣнивать предметы первой необходимости, которыхъ не давала страна. Желая искусственно поддержать жизнь, правительство и мѣстная администрація задались мыслію о развитіи здѣсь хлѣбопашества, скотоводства и разныхъ ремеслъ, не соображаясь ни съ климатомъ, ни съ положеніемъ инородцевъ. Такимъ образомъ мы видали цѣлый рядъ мѣропріятій, долженствовавшихъ, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, обезпечить страну и улучшить экономическій бытъ обитателей. То заводили солеварни, то открывали ремесленныя школы, то поселяли выходцевъ съ цѣлью распространить здѣсь хлѣбопашество. Образовалось (въ 1830 г.) зем-

ледѣльческое общество съ субсидіей отъ правительства и даже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ посылались ученые садовники для устройства оранжерей и разведенія на мѣстѣ хлѣбныхъ сѣмянъ.

Но всѣ эти благородныя затѣи ни къ чему не привели. Правительство принуждено было взять на себя заботы о хлѣбномъ продовольствіи страны, такъ какъ вслѣдствіе уменьшенія пушнаго промысла начались голодовки. Объ изысканіи мѣстныхъ средствъ существованія больше никто не думалъ, а послѣ упраздненія порта въ Петропавловскѣ (въ 1855 г.) Камчатку совсѣмъ забыли. Этотъ взглядъ опредѣленно высказался въ послѣднемъ оффиціальномъ отчетѣ Министерства Финансовъ, которое опубликовало для всего цивилизованнаго міра, что Камчатка имѣетъ весьма малую экономическую будущность. Этотъ безотрадный приговоръ, въ устахъ нашихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ П. П. Семенова и В. И. Ковалевскаго, можно объяснить только забвеніемъ края и отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о немъ, какъ я говорилъ выше. Не говоря о минеральныхъ богатствахъ, которыхъ еще никто не изслѣдовалъ, не смотря на существующія указанія, одного рыбнаго богатства вполнѣ достаточно, чтобы улучшить положеніе страны, создать довольство и матеріальное благосостояніе ея жителей. Но прежде нежели говорить о рыбномъ богатствѣ, позволю себѣ въ общихъ чертахъ обрисовать положеніе Камчатки и ея климатъ.

Широкой и длинной полосой протянулась Камчатка съ юга на сѣверъ на протяженіи почти десяти градусовъ; вдоль полуострова идетъ главный Камчатскій хребетъ, выполняя все пространство своими многочисленными отрогами, и на восточномъ берегу круто обрываясь въ волны Тихаго океана, а на западномъ образуя отлогость и низину вдоль всего Охотскаго побережья. Вся страна изборождена горными хребтами, надъ которыми высятся красивыя камчатскія сопки, частью дѣйствующія, но большею частью уже потухшія. Вулканическая дѣятельность, однако, здѣсь не прекратилась, какъ можно судить по частымъ землетрясеніямъ и по тому, что, напримѣръ, Шевелюгскую сопку уже считали потухшей; но въ зиму 1892—93 г. она снова возобновила свою дѣятельность. Низинъ и долинъ сколько-нибудь значительныхъ на полуостровѣ нѣтъ, кромѣ района р. Камчатки, что создаетъ непреодолимыя трудности для передвиженія. Весь полуостровъ, до снѣговой линіи горъ, покрытъ хвойнымъ и лиственнымъ сплошнымъ лѣсомъ, а скатъ хребтовъ и низины между ними—роскошной травой, превышающей иногда ростъ человѣка. Эта роскошная растительность между сопокъ, вѣчно покрытыхъ снѣжной пеленой, производитъ странное и вмѣстѣ чарующее впечатлѣніе; уже въ началѣ мая распускаются цвѣты, не стѣсняясь близостью снѣга, и деревья быстро зеленѣютъ.

Климатъ Камчатки трудно подвести подъ одну схему; южная ея половина отъ Лопатки до устья р. Камчатки имѣетъ умѣренный характеръ; дальше къ сѣверу, къ землѣ Каряковъ климатъ становится суровѣе и носитъ уже полярный отпечатокъ. Съ другой стороны восточная половина Камчатки, граничащая съ Тихимъ океаномъ, теплое южное теченіе котораго довольно близко подходитъ къ берегу, характеризуется морскимъ климатомъ: и лѣтомъ, и зимой температура здѣсь выше, чѣмъ по западному берегу. Здѣсь больше тумановъ и дождей—отъ господствующихъ южныхъ и восточныхъ вѣтровъ, хотя съ другой стороны я не согласенъ съ оффиціальнымъ мнѣніемъ, что южная оконечность Камчатки постоянно бываетъ окутана туманами, залита дождями или засыпана снѣгами. Восемь разъ я прошелъ вдоль восточнаго берега Камчатки въ разное время, начиная съ мая до половины ноября, и нерѣдко наслаждался прекрасной погодой, длившейся недѣлями. Самые большіе морозы на этой сторонѣ рѣдко превышаютъ 12°, а лѣтомъ теплые дни въ 15—20° далеко не рѣдкость. Осень наступаетъ довольно поздно, въ концѣ Октября, тогда появляются первые заморозки. Авачинская бухта вдоль берега покрывается льдомъ во второй половинѣ ноября. Во всякомъ случаѣ климатическія условія гораздо лучше, чѣмъ во Владивостокѣ.

Западная сторона Камчатки имѣетъ болѣе суровый и сухой климатъ, что объясняется близостью Становаго хребта, кольцомъ охватывающаго Охотское море и замѣчательно холодной водой послѣдняго. Зимою воздушный токъ муссоновъ, проходя черезъ грани Становаго хребта, сильно охлаждается и падаетъ къ Охотскому морю съ такою силою, что люди и вьючный скотъ не могутъ идти противъ него. Эти муссоны продолжаются до поздней весны, чтобы ранней осенью снова возобновиться. Они-то и обусловливаютъ суровость зимы по западному берегу Камчатки. Съ другой стороны, Охотское море, не смотря на свое географическое положеніе въ умѣренной зонѣ, представляетъ типъ полярнаго моря: температура на поверхности рѣдко поднимаетси выше 7°, а на глубинѣ 100 саженъ она уже опускается ниже нуля; льды плаваютъ въ юго-западной части Охотскаго моря большую половину лѣта, охлаждая воздухъ. Здѣсь нѣтъ такихъ тумановъ, какъ по восточному побережью, а преобладаютъ ясные дни.

Все побережье Камчатки по обѣ стороны изрѣзано сотнями большихъ рѣкъ и горныхъ рѣчекъ, которыя съ начала весны представляютъ интересную картину.

Обыкновенно, какъ только рѣки и бухты очистились ото льда, зазеленѣла листва, воздухъ огласился пѣніемъ камчатскаго соловья,

начинается періодическій ходъ рыбы. Первой показывается небольшими стадами каюрка (мелкій видъ лосося), этотъ радостный вѣстникъ для камчатскаго населенія.

Какъ земледѣлецъ съ радостнымъ сердцемъ и покойной душой смотритъ на свою созрѣвшую ниву, сознавая, что онъ и его семья обезпечены продовольствіемъ на годъ, такъ радуется и камчедалъ при появленіи каюрки. Въ его сознаніи воскресаетъ отрадная надежда, что онъ, оторванный отъ міра и забытый имъ, еще не забытъ матушкой природой, ежегодно и почти въ одно и то же время посылающей изъ моря рыбу, его единственное пропитаніе.

Я сначала опишу общую картину періодическаго хода рыбы въ рѣкѣ Камчаткѣ, а потомъ уже остановлюсь на разныхъ видахъ и особенностяхъ въ этомъ ходѣ.

Въ тихій и солнечный день, еще вдали отъ берега, гладкая до этого поверхность моря покрывается рыбою; то тамъ, то здѣсь высовываются на моментъ головы нерпъ; вверху надъ этимъ, въ воздухѣ, кружитъ стадо чаекъ, оглашая воздухъ своими неистовыми криками. Если вы взберетесь на крутой берегъ, то все видимое въ глубь пространство занято густымъ стадомъ рыбы, зеленоватостальное тѣло которой блеститъ при падающихъ лучахъ солнца. Быстро эти сплошныя массы устремляются въ устье рѣки, гдѣ каждая изъ нихъ появилась на свѣтъ и, скучиваясь въ узкой и сравнительно мелкой протокѣ, выскакиваютъ изъ воды, повидимому, чтобы обогнать другъ друга, выбрасываются на берегъ отъ тѣсноты и усталости, перепрыгиваютъ черезъ камни, царапая тѣло, преодолѣвая быстрины. Тогда вода въ рѣкѣ пѣнится, плещетъ какъ-бы послѣ пронесшагося вихря, все пространство до дна, или на видимую глубину буквально переполнено рыбой; въ это время бываетъ трудно грести на веслахъ; видъ шлюпки и людей не пугаетъ рыбы, которая съ такимъ неудержимымъ напоромъ, побуждаемая половыми инстинктами, стремится въ рѣки, преодолѣвая всевоможныя препятствія. Ни быстрое теченіе горныхъ рѣчекъ, ни крутые подъемы, иногда на нѣсколько тысячъ футъ, ни камни, ни заметанное морскими волнами русло,—ничто не можетъ остановить періодическую рыбу, въ ея «кочеваніи до смерти», какъ говоритъ Миддендорфъ.

Сплошныя стада баснословнаго количества, тысячи и десятки тысячъ подымаются въ рѣку, продолжая свой ходъ днемъ и ночью; иногда она, повидимому, дѣлаетъ привалы, какъ-бы для отдыха, чтобы потомъ съ новой энергіей двинуться впередъ. Если рѣка измѣнила свое русло, или морскими волнами образовало молъ, рыба съ замѣчательнымъ знаніемъ и инстинктомъ держится у этого мола и затѣмъ выбрасывается на него. Какъ-бы ошеломленная тѣмъ, что

она очутилась не въ родной стихіи, она останавливается, отдыхаетъ и, затѣмъ, рядомъ конвульсивныхъ движеній и прыжковъ, перебрасывается на другую сторону мола, чтобы наконецъ попасть въ родную рѣку.

И такими изумительными массами она идетъ въ рѣки Авачинской губы, въ Камчатку, Калахтырку, Саранную, Большую, Ичѣ и сотни другихъ рѣкъ, о которыхъ мнѣ приходилось слышать въ Камчаткѣ отъ очевидцевъ, подтвердившихъ прежнія описанія Крашенниникова, Лесепса, Головина и Дитмара.

Первой періодической рыбой, съ своимъ предвѣстникомъ—каюркой, идетъ чавыча (Salmo orientalis); обыкновенно около 9-го мая, хотя начало этого періода варьируетъ отъ состоянія льда и характера зимы. Такъ послѣ холодной зимы 1891—92 г. чавыча показалась тамъ къ 24-му мая; слѣдующая зима (1892—93 г.) также была поздняя на всемъ востокѣ, такъ, напр., въ Нагасакской губерніи (Японія) всѣ посѣвы рису опоздали на цѣлый мѣсяцъ. Въ 1892 г. въ Петропавловскѣ и окрестныхъ рѣкахъ единственные экземпляры чавычи начали попадаться только съ 26-го мая. Это самый вкусный и большой лохъ здѣшнихъ рыбъ; вѣситъ 10—15 ф., а иногда достигаетъ громадныхъ размѣровъ 4—5 футъ длины. Ходъ продолжается нѣсколько дней, иногда съ необъяснимыми пока перерывами. Чѣмъ рѣки южнѣе, тѣмъ чаще чавыча попадается; по восточному берегу въ р. Карагѣ—она очень рѣдкій гость; по западному берегу доходитъ до р. Тигиль, но въ Пенежинской губѣ не бываетъ совсѣмъ.

Вслѣдъ за чавычей, а иногда вмѣстѣ съ ней, появляется мелкая весенняя сельдь; въ лѣто 1893 г. она показалась 28-го мая; ходъ этотъ небольшой; сельдь остается по бухтамъ, и въ рѣки не заходитъ.

Послѣ чавычи сплошнымъ стадомъ поднимается въ рѣки *красная рыба* (S. Lycaodon), названная такъ отъ цвѣта мяса, и *хайко* (S. Lagocephalus). Эти два лоха считаются лѣтними; первая поднимается въ рѣки около 5-го іюня, держась нѣкоторое время по бухтамъ, а вторая около 15-го іюня. Ходъ этихъ рыбъ продолжается почти все лѣто съ нѣкоторыми перерывами. Въ 1892 г. жаловались на запаздываніе этой рыбы, почему у камчадаловъ не хватило корму для собакъ, которыя начали дохнуть отъ голоду. До 17-го іюля въ Петропавловскѣ жаловались, что мало идетъ красной рыбы; 17-го я проѣзжалъ по озерамъ и р. Паратункѣ, рыбы почти не было; на другой день, 18-го, возвращаясь, я нашелъ, что въ р. Паратункѣ рыба кишѣла; на рыбной заимкѣ, въ протокѣ изъ озера, я встрѣтилъ такую массу красной, которую не могли выбросить крюками изъ засады нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ примитивныхъ способовъ ловли камчадаловъ состоитъ въ томъ, что они обыкно-

венно кольями перегораживаютъ мелкія протоки изъ большихъ озеръ въ два ряда; первая линія отъ входа имѣетъ постоянное окно, а вторая къ озеру—закрывающееся окно; этотъ рядъ частокола образуетъ пространство отъ 1—2 квадратныхъ саженей; красная рыба, стремясь въ озера для нерестованія, попадаетъ въ эти запоры и буквально набиваетъ все пространство, изъ котораго камчадалы достаютъ ее желѣзными крюками на длинномъ шестѣ. На этотъ разъ рыбы было такъ много, а она все прибывала, что на ночь пришлось открыть окно и пропустить ее въ озеро, иначе отъ тѣсноты она вся уснула бы.

Красная всегда мечетъ икру только въ озерахъ, иногда поднимаясь по горнымъ ручьямъ на высоту нѣсколькихъ тысячъ футъ; какъ, напр., изъ рѣки Авачи къ подножію сопки въ озера. Рыба бьется о камни, преодолѣвая страшныя быстрины; блестящій зеленовато-стальной цвѣтъ все пропадаетъ, и смѣняется блѣдно-кровавымъ; тѣло покрывается пятнами всѣхъ оттѣнковъ, ссадинами и укусами.

Особенно рѣзко бросаются въ глаза изгрызанные спинные плавники. Я сначала объяснялъ это или случайными пораненіями, или-же, какъ думалъ Миддендорфъ, что лохи такъ изголодались вслѣдствіе скученности, что откусывали другъ другу хвосты и плавники. На повѣрку оказалась совсѣмъ другая причина: зайдя въ мелкое озеро, красная рыба долго гуляетъ по немъ, выбирая подходящее мѣсто для метанія икры. Разъ мѣсто выбрано, самка начинаетъ кружить надъ нимъ, описывая неправильный кругъ въ діаметрѣ отъ 1—2 аршинъ. Сейчасъ появляется самецъ, плывущій вслѣдъ за самкой. Такъ они дѣлаютъ 3—5 туровъ, затѣмъ самка останавливается и выпускаетъ икру, причемъ замѣтно какъ-бы вздрагиванье тѣла съ небольшими боковыми колебаніями. Эта стойка продолжается 5—6 секундъ; затѣмъ самка продолжаетъ дѣлать туры въ такомъ-же направленіи и такого-же діаметра, въ сопровожденіи самца, который со втораго тура уже идетъ впереди самки, причемъ иногда, чаще же на третій туръ, останавливается надъ мѣстомъ выброшенной икры и выпускаетъ молоки. Вздрагиванья его тѣла въ этотъ моментъ гораздо сильнѣе и рѣзче замѣтны,—въ особенности ясно выступаетъ особое изгибаніе судорожнаго характера, вдоль длины тѣла въ горизонтальномъ направленіи. Иногда такой самецъ, вѣроятно, истощенный, долго стоитъ, не выпуская молоковъ; остановившаяся сзади его самка приближается и начинаетъ верхнею частью рыла тереть вдоль длины тѣла самца у заднепроходнаго отверстія. Обыкновенно, послѣ 5—7 такихъ движеній самецъ двигался впередъ и они опять начинали дѣло оплодотворенія сначала, или уходили въ другое мѣ-

сто. Если-же самецъ не выпустилъ молоковъ послѣ тренія самки, послѣдняя съ яростью бросалась на самца, кусая его за спинные плавники и — гораздо рѣже — за хвостъ.

Вотъ причина происхожденія укусовъ, или даже отгрызанія части плавниковъ, какъ не разъ я наблюдалъ, просиживая по цѣлымъ часамъ надъ озеромъ, съ цѣлью выясненія даннаго вопроса.

Вернемся, однако, къ путешествію лоховъ.

Не взирая на всѣ затрудненія пути, озеро обыкновенно кишитъ массами лоховъ красной; тысячи труповъ покрываютъ мелкіе берега по пути слѣдованія. Какова же должна быть масса рыбы, если послѣ такого труднаго пути озеро все-таки бываетъ переполнено ими. Совершенно такую же картину я видѣлъ въ озерѣ Саранной бухты, въ Калахтырскомъ, Ближнемъ, на Паратункѣ и др.

Мясо красной рыбы нѣжное, красно-розоваго цвѣта, вѣсомъ отъ 8 — 10 фунтовъ, а иногда и до 15 ф., необыкновенное жирное.

Хайко (амурская кэта) отличается отъ красной какъ своей большей величиной, такъ и мясомъ. Это — ржаной хлѣбъ камчадаловъ, такъ какъ высушенное, оно не горкнетъ. Кромѣ того внѣшнее отличіе замѣтно въ конфигураціи головы и формѣ хвоста. Она любитъ глубокія рѣки, изъ которыхъ въ озеро не заходитъ, а для нерестованія поднимается до верховьевъ рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ образуетъ на мели цѣлыя горы гніющихъ труповъ. Избалованный камчатскій медвѣдь пренебрегаетъ этой пищей, а, сидя на берегу, выбрасываетъ лапой ту, которая посвѣжей, и у ней съѣдаетъ только одну головку, бросая остальное. Какъ ни странно, но съѣданіе хрящевой части черепа съ мозгомъ у живой рыбы составляетъ большое лакомство между камчадалами, ламутами, коряками, алеутами и чукчами. Видимо эти сѣверные обитатели позаимствовали у медвѣдя такое лакомое блюдо.

Красная и хайко идутъ съ перерывами до сентября; подъ конецъ ихъ полнаго хода, обыкновенно въ концѣ іюля, начинается ходъ осеннихъ лоховъ — *кижуча* (S. Sanguinolentus) и *горбуши* (S. proteus). Время появленія этихъ лоховъ въ устьяхъ рѣкъ сильно варьируетъ въ Камчаткѣ. Въ 1892 г. они появились въ концѣ іюля, а въ 1893 г. — въ концѣ августа. Въ рѣки Охотскаго моря она заходитъ то въ началѣ, то въ концѣ іюня; въ Корсаковскомъ посту на Сахалинѣ обыкновенно съ первыхъ чиселъ іюня, а на о-вѣ Берингѣ между 20—30 іюня и продолжаетъ до 20-го августа, тогда какъ въ Авачинской бухтѣ до половины октября.

Кижучъ—одна изъ самыхъ осторожныхъ и, такъ сказать, прихотливыхъ рыбъ Камчатки; она не дѣлаетъ привала въ рѣкѣ такими сплошными массами, какъ другія; камчадалы считаютъ ее

очень хитрой; будто бы, входя въ рѣки, она предварительно осматриваетъ берега, и, если завидитъ собаку, какъ увѣряютъ туземцы, поворачиваетъ назадъ. Вѣситъ отъ 5 — 7 фунтовъ; мясо красное, какъ у S. Lycaodon, но съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Она избираетъ быстрыя рѣки, по которымъ поднимается до мелкихъ горныхъ ручьевъ, гдѣ ее ловятъ около рождества уже сильно похудѣвшей, лощалой. Иногда она идетъ подо льдомъ, выбирая теплые ключи, напр. въ системѣ р. Паратунки. Въ 1893 г. до 31-го августа въ Петропавловскѣ не было настоящаго хода, хотя въ Авачинской бухтѣ она уже давно показалась.

Старики объясняютъ такое запаздываніе кижуча отсутствіемъ свѣжихъ вѣтровъ и штормовъ, во время которыхъ она, по направленію вѣтра, будто бы входитъ въ рѣки; такъ напр. для восточной Камчатки при SO штормахъ, для Сараннаго озера на сѣверной оконечности о-ва Беринга — при N и NO. Старики увѣряютъ, что кижучъ, зашедшая въ озера для метанія икры, уходитъ въ море въ сентябрѣ, иногда въ ноябрѣ. Тогда какъ въ рѣкахъ она остается зимовать, и вѣроятно погибаетъ. Интересно, что кижучъ ловили подо льдомъ въ мартѣ, причемъ попадались экземпляры съ икрой (въ Сарапномъ озерѣ о-ва Беринга).

Въ общемъ нужно замѣтить, что по восточному берегу она встрѣчается рѣже, чѣмъ по западному, а въ р. Охоту она идетъ громадными стадами.

Почти одновременно съ ней второй разъ у береговъ и по бухтамъ появляется громадными стадами *сельдь;* эта крупнѣе весенней селедки и идетъ большими стадами.

Одновременно, какъ я сказалъ, показывается горбуша; ходъ ея продолжается два мѣсяца, съ небольшими перерывами, и въ это время рѣки буквально запружены рыбой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она появляется раньше и идетъ въ рѣки въ перемежку съ красной рыбой.

Названіе свое горбуша получила отъ сильно выступающаго на спинѣ горба. У горбуши, говоритъ Миддендорфъ (ч. 2, стр. 350), которая въ молодости имѣетъ форму лоха кэты, тѣло, въ случаѣ возвращенія рыбы въ море, принимаетъ такую горбатую форму, что по этой причинѣ рыба и названа горбушей. Нужно замѣтить, что амурская кэта и камчатская хайко подъ конецъ періода нерестованія становятся неузнаваемыми: измѣняются цвѣтъ, покровы и мясо, такъ же какъ и самая форма; рыло, особенно у самцовъ, удлиняется, верхняя челюсть изгибается горбомъ кверху, край нижней выдается кверху, иногда загибаясь крючкомъ; зубы выступаютъ и при дотрогиваніи вываливаются, на спинѣ, сейчасъ позади головы,

образуется небольшой горбъ; такіе экземпляры въ Камчаткѣ называются *азабачъ* и *монака;* но это совершенно не походитъ на горбъ горбуши, идущей въ такомъ видѣ изъ моря.

Къ числу позднихъ осеннихъ лоховъ нужно отнести форели, семгу и гольцовъ, которые на зиму остаются въ рѣкахъ, здѣсь мечутъ икру, а ранней весной спускаются въ море. Между гольцами камчадалы различаютъ пять видовъ: 1) *каменные*, длиною до одного аршина, шириною до 6-ти вершковъ; нижняя челюсть загнута кверху и спереди образуетъ утолщеніе, 2) *лошетинецъ*, круглый и толстый, 3) *бѣлый*, тонкій, 4) *озерной* крупный, до 8-ми ф. вѣсу, съ оранжевыми пятнами и красноватыми полосами по бокамъ, и 5) такъ называемые *гольчики*, повсемѣстная въ Камчаткѣ рыба. Голецъ (S. leucomaenis) — одна изъ самыхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ періодическихъ рыбъ; при ея переселеніи въ рѣки и озера (въ концѣ іюля и августѣ) рѣшительно не существуетъ никакихъ препятствій: она поднимается по страшнымъ быстринамъ и даже водопадамъ, гдѣ потокъ падаетъ съ высоты 2 — 3 саженъ. Вначалѣ я этому не вѣрилъ, пока самъ не убѣдился, что голецъ въ этихъ случаяхъ выходитъ изъ ручья и перебирается по мокрой травѣ, или по камнямъ, пока не минуетъ непроходимое мѣсто. Другое интересное обстоятельство относительно гольца: весной, съ 25-го марта, онъ заходитъ въ бухту, худой, тощій; въ спинныхъ мышцахъ его тѣла находятъ чернаго паразита изъ круглыхъ червей. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти такого экземпляра за позднимъ приходомъ въ Камчатку. Въ бухтѣ онъ ходитъ по отмелямъ и пожираетъ икру сельди, по увѣренію камчадаловъ; къ концу мая сильно жирѣетъ и тогда паразитъ видимо исчезаетъ, такъ какъ изъ сотни вскрытій я не нашелъ ни одного препарата. При вскрытіи, желудокъ его бываетъ исключительно набитъ икрой селедки. Молодые гольчики, остающіеся все лѣто въ рѣкахъ также пожираютъ икру красной рыбы.

Семга (S. Salar) встрѣчается по западному берегу Камчатки, начиная отъ Лопатки до р. Ичи; выше къ Тигилю, точно также, какъ въ рр. Пенжинской и Гижигинской бухтѣ она вовсе не бываетъ; по восточному же берегу она, наоборотъ, является на сѣверѣ и промышляется коряками, начиная съ р. Караги и сѣвернѣе, напр. въ заливѣ барона Корфа. Какъ большую рѣдкость, принесли мнѣ семгу, пойманную 13-го августа 1892 г. въ р. Калахепаркѣ, немного сѣвернѣе Петропавловска.

Изъ другихъ рыбъ, могущихъ имѣть большое промысловое значеніе, нужно упомянуть *треску* (Gadus Marhua), которая въ серединѣ лѣта несмѣтными массами приближается къ берегамъ Кам-

чатки. Эта рыба совсѣмъ не ловится камчадалами, которые о ней не имѣютъ никакого понятія. Избалованный изобиліемъ лососевыхъ породъ, камчадалъ ни за что не станетъ ѣсть треску, увѣряя, что ее не ѣдятъ даже ихъ собаки. Чтобы составить приблизительное понятіе объ изобиліи трески у здѣшнихъ береговъ, приведу два примѣра. Во время стоянки транспорта «Якутъ» у береговъ, со стороны открытаго океана, я забрасывалъ шнуры съ привязанными шестью крючками, и не успѣвалъ грузъ дойти до дна, на глубинѣ 8—10 саженъ, какъ приходилось тащить обратно; шнуръ дергали то въ ту, то въ другую сторону, при этомъ всегда ловилось двѣ, три штуки крупныхъ размѣровъ трески. Команда обыкновенно налавливала такую ея массу, что потомъ ее некуда было дѣвать, и матросы, вытащивъ изъ воды треску, бросали ее обратно въ море, любуясь, какъ она стремительно уходила въ глубину. Главное и цѣнное указаніе на массу трески мы можемъ почерпнуть изъ разспросныхъ свѣдѣній о промыслѣ американскими шхунами у западныхъ береговъ Камчатки, между селеніями Явино и Голыгино. Эти шхуны фирмы Фриманъ, Фалькенбургъ и К° ежегодно приходятъ изъ С.-Франциска съ запасами провизіи и разныхъ предметовъ необходимыхъ въ быту камчадала. На каждой изъ шхунъ по 15—20 человѣкъ команды; подойдя къ названнымъ селеніямъ, онѣ, вѣроятно, сначала обмѣниваютъ привезенные товары на пушинну, затѣмъ нанимаютъ жителей въ помощь для лова трески, который начинается съ половины іюня и продолжается до начала августа. Жители особенной помощи оказать не могутъ, такъ какъ въ Явинѣ находится всего 8 домовъ съ 16 душами, а въ Голыгинѣ шесть, съ 20 душами обоего пола, но для бѣдныхъ камчадаловъ это громадное подспорье: во 1-хъ, онъ за каждую тысячу штукъ получаетъ товару на 50 р., а во 2-хъ, весь этотъ товаръ онѣ пріобрѣтаютъ на мѣстѣ, не ѣздивъ для этого въ Петропавловскъ. При ловлѣ трески выбираютъ экземпляры не менѣе 28 ф. вѣсомъ, остальные бросаютъ въ море; такимъ образомъ, съ командой приблизительно около 60 — 80 человѣкъ, въ теченіе полутора мѣсяца, за исключеніемъ штормовой погоды, когда шхуны уходятъ отъ берега, онѣ успѣваютъ наловить болѣе 300,000 штукъ.

Чтобы судить о выгодности этого промысла, нужно замѣтить, что соленая и затѣмъ подвяленая треска составляетъ любимое кушанье въ Японіи и Китаѣ. Не смотря на сильное развитіе рыбнаго промысла въ Японіи, рыбы, какъ пищеваго матеріала, никогда тамъ не хватаетъ, и потому ввозъ рыбы въ Японію составляетъ важную статью. Такъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ 1892 г. соленой рыбы ввезено на 12 т. іенъ, сушеной на 92 т. іенъ. И

что особенно характерно для нашей бездѣятельности на Востокѣ эта же треска, доставленная туда г. Семеновымъ съ Сахалина, потомъ привозится японцами въ Владивостокъ и поступаетъ на рынокъ

Но помимо этого широкаго сбыта соленой трески въ Японію и Китай (отъ 1 р. до $1^1/_2$ р. за пудъ) эта рыба даетъ другой цѣнный продуктъ—тресковый жиръ, эксплоатаціи котораго здѣсь предстоитъ широкая будущность.

Европа, какъ извѣстно, получаетъ тресковый жиръ главнымъ образомъ изъ Бергена и Лафотена, которые ежегодно высылаютъ на промыселъ трески до пяти тысячъ большихъ шлюпокъ и до 30-ти тысячъ рабочихъ. Эта цѣлая флотилія промысловыхъ шхунъ работаетъ почти цѣлый годъ: съ января по апрѣль промышляетъ у Лафонтена, съ іюня по сентябрь у Лабрадора и Ньюфаундленда, съ декабря до мая по берегамъ Нѣмецкаго моря.

Добыча изъ печени тресковаго жиру (oleum Jecoris Aselli), даже въ усовершенствованномъ видѣ, составляетъ весьма несложную операцію, на описаніи которой я не буду останавливаться. Для полученія боченка (бариллъ) жиру требуется въ хорошіе годы отъ 300—400 печеней, каждая печень вѣситъ 2500 граммъ и даетъ до 500 граммъ жиру.

Теперь спрашивается, сколько этого дорогаго продукта можетъ быть добыто у береговъ Камчатки и сколько выбрасывается за бортъ шкуны американскими промышленниками? На первый вопросъ я затрудняюсь отвѣтить: количество ея безконечно велико; что-же касается втораго обстоятельства, то, считая на каждый бариллъ по 400 печеней, американцы выбрасываютъ въ море 775 боченковъ дорого стоющаго тресковаго жиру, или $^1/_{100}$ всего того богатства, которое доставляютъ 30 тысячъ работниковъ Бергена? Чтобы судить о преимуществахъ камчатскаго промысла, достаточно взять пропорціональное отношеніе между количествомъ тресковаго жиру, доставляемаго Бергеномъ, и числомъ его рабочихъ; оказывается, что для Бергена на каждаго рабочаго въ теченіи года приходится $2^2/_3$ боченка, тогда какъ для Камчатки за $1^1/_2$ мѣсяца—болѣе 9 боченковъ (каждый 7 пудовъ вѣсомъ). Считая за боченокъ по 50 р. или 7 р. за пудъ, мы получаемъ громадный капиталъ, около 40 т. р., который люди бросаютъ за бортъ судна, не имѣя возможности, а можетъ быть не умѣя приготовить тресковый жиръ!

Такимъ образомъ въ теченіе всего лѣта всѣ рѣки и рѣчки переполняются сплошнымъ стадомъ періодической рыбы, идущей изъ моря для метанія икры. Казалось-бы, что этого баснословнаго богатства рыбы совершенно достаточно не только для мѣстнаго прокормленія жителей и собакъ, какъ перевозочнаго животнаго, но

и для широкаго вывоза въ восточные порта, гдѣ на этотъ товаръ всегда существуетъ громадный спросъ; въ дѣйствительности-же мы наблюдаемъ обратное явленіе. Населеніе Камчатки вымираетъ приблизительно 0,3% ежегодно. Экономическое положеніе жителей представляетъ безотрадную картину: съ тѣхъ поръ, какъ значительно уменьшилось количество пушнаго звѣря, ослабѣла и приманка для торговцевъ, приходившихъ сюда для мѣновой торговли. Въ настоящее время положеніе края таково, что не приходи пароходъ еврейско-американской компаніи Волынъ и К°, жители не имѣли-бы ни соли, ни муки, ни пороха, ни другихъ предметовъ житейскаго обихода и буквально были-бы обречены на голодную смерть. Но съ другой стороны не только вся Камчатка, но и всѣ порта Охотскаго моря находятся въ тяжелой кабалѣ названной компаніи. Доставляя все до мелочей, она промѣниваетъ на пушнину, какъ ходячую монету здѣсь, и такимъ образомъ является ея монопольнымъ покупателемъ. Разцѣнка товаровъ представляетъ поучительныя данныя: довѣренный означенной компаніи съ безцеремонною откровенностью говорилъ мнѣ, что 300% ему мало, нужно 350—400%. Напр., кирпичъ чаю стоитъ до 2-хъ рублей, 1 ф. неводнаго прядева 2 руб., кулекъ муки (55 ф.) отъ 5—8 р.; пудъ соли 1 р. 50 к.—2 р.; дриль 1 р. за аршинъ, махорка—1 р. за фунтъ и проч. Цѣны безобразно высоки, но если вы возьмете еще во вниманіе, что торговля почти исключительно мѣновая, причемъ пушнина оцѣнивается самимъ ея покупателемъ, то въ результатѣ получается система полнаго ограбленія камчадала. О пониженіи цѣнъ при посредствѣ конкурренціи не можетъ быть и рѣчи: имѣющіяся въ Петропавловскѣ 2—3 лавченки, покупающія товаръ въ той-же компаніи или выписывающія въ долгъ изъ Владивостока, понятное дѣло, не могутъ составить серьезной конкурренціи.

А между тѣмъ единственный заработокъ камчадаловъ, это соболь и лисица. Лисицъ вообще промышлялось мало въ Камчаткѣ, въ 5—6 разъ меньше, чѣмъ соболей, которыхъ еще въ сороковыхъ годахъ здѣсь промышляли болѣе 10 тысячъ. Разсматривая оффиціальную статистику за послѣднія 12 лѣтъ, я нашелъ, что среднее ежегодное количество упромышленнаго соболя—2.300 штукъ. Если принять среднюю высокую цѣну на наличныя деньги по 20 р. за соболя, вы получаете общую стоимость промысла 46 т. р. или на каждую душу (при населеніи въ 6½ т. человѣкъ) около 7 р. При такомъ жалкомъ и вдобавокъ единственномъ заработкѣ и при тѣхъ невѣроятно высокихъ цѣнахъ на всѣ предметы, понятно, вы встрѣчаете непроходимую бѣдноту, истощенное, унылобезотрадное населеніе, единственнымъ спасеніемъ котораго служитъ рыболовная снасть.

Но, спрашивается, даже при описанномъ богатствѣ рыбы, что можетъ сдѣлать камчадалъ?

Прежде всего, во всей Камчаткѣ нѣтъ ни одной шхуны, на которой можно было-бы изъ одной бухты перейти въ другую; строго говоря, нѣтъ даже шлюпокъ, на которыхъ безъ риску можно было бы переправиться, напримѣръ, съ одной стороны Авачинской бухты на другую, или изъ селенія Николаевскаго, Авачи въ Петропавловскъ. Здѣсь есть только двѣ шлюпки, на которыхъ иногда смѣльчаки ходятъ даже на Шипунскій мысъ для промысла моржей, но если при этомъ приходится убить 1—2 горныхъ барановъ, или поднимется вѣтеръ, шлюпка оказывается совершенно непригодною,—а плаваніе—сильно рискованнымъ. Всѣ ихъ передвиженія и поѣздки совершаются на ботахъ; это долбленая, мелкая и узкая лодка, на которой можно помѣститься только 3—4 лицамъ; малѣйшая зыбь ее уже заливаетъ; приходится переталкиваться шестомъ вдоль мелкаго берега. Купить большой вельботъ не на что и негдѣ; мѣстнаго производства не существуетъ,—за отсутствіемъ эксплоатаціи лѣсовъ и способовъ доставки. Такимъ образомъ, житель Камчатки, среди лѣса и изобилія рыбы, лишенъ перваго необходимаго условія промысла.

Посмотримъ теперь на самый промыселъ камчадаловъ. Ловъ рыбы производится слѣдующими способами: 1) сѣтями, 2) заторами, 3) мордами.

Сѣти обыкновенно готовятся съ большими ячейками для крупныхъ лососевыхъ породъ; сѣтей для лова сельди во всей Камчаткѣ нѣтъ. При вышеупомянутой дороговизнѣ неводнаго прядева и жалкихъ ботахъ, камчадалъ не можетъ связать невода, или большой сѣти, потому что во 1-хъ, на большую сѣть у него не хватаетъ денегъ, а во 2-хъ, ее некуда помѣстить. Поэтому она бываетъ длиною 20—30 саженей съ крыльями и ставится обыкновенно такимъ образомъ, что одинъ конецъ ея привязывается на берегу къ дереву или камню, другой завозится полукругомъ и также посредствомъ веревки закрѣпляется на берегъ. Затѣмъ, промышленникъ стоитъ на пригоркѣ и дожидается, пока рыба, зайдя въ сѣть, запутывается въ ней и, такимъ образомъ, производитъ колебаніе подвѣшенныхъ пузырей. Способъ въ высшей степени непрактичный, но при данныхъ средствахъ никакой другой немыслимъ. Въ большой рѣкѣ, при быстромъ теченіи, ловить такимъ неводомъ, понятное дѣло, нельзя; поэтому выбираютъ мелкія протоки, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, однимъ такимъ неводомъ добываютъ отъ 5 до 10 тысячъ штукъ въ день, какъ это я не разъ видѣлъ въ Авачѣ. Какъ нѣжная и жирная рыба, она немедленно требуетъ уборки, во избѣ-

жаніе порчи, но тутъ выступаетъ на сцену несокрушимая лѣнь и апатичность—характерныя черты камчадала. Распластываніе и провяливаніе на солнцѣ производятся съ убійственной мѣшкотностью; апатичному камчадалу кажется, что на сегодня довольно, потомъ онъ еще подловитъ, а рыба между тѣмъ проходитъ выше по рѣкѣ. Съ ходомъ слѣдующей рыбы повторяется та-же исторія. Рыба, положенная для вяленія (такъ называемая юкола), почти ничѣмъ не прикрыта отъ дождей и хищныхъ птицъ. Прошелъ порядочный дождикъ, юкола, какъ говорятъ здѣсь, потекла, т. е. закисла и начинаетъ разлагаться. Приходится готовить новые запасы, а построить крытый сарай или завести общественную сушильню у Камчадала не хватаетъ хозяйственной смѣкалки; онъ слишкомъ для этого лѣнивъ и беззаботенъ.

Второй, часто практикуемый способъ лова, это заторы или перегораживаніе частоколомъ узкихъ и мелкихъ протокъ изъ озеръ, но эти озера зачастую находятся очень далеко отъ поселковъ, а во вторыхъ, этотъ способъ годится только, главнымъ образомъ, для красной рыбы и кижуча, заходящихъ изъ рѣкъ въ озера.

Третій способъ — морды — состоитъ въ томъ, что рѣка въ мелкомъ мѣстѣ перегораживается частоколомъ въ одинъ рядъ и на мѣстѣ отверстія въ немъ вставляется плетеный цилиндръ, попавъ въ который рыба уже не можетъ выбраться. Этимъ способомъ получаются небольшіе уловы, такъ какъ подобная морда можетъ вмѣстить отъ 15 до 20 экземпляровъ.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что житель Камчатки располагаетъ самыми ограниченными, первобытными средствами промысла рыбы. Изъ оффиціальныхъ данныхъ видно, что въ Камчаткѣ на каждую душу заготовляется около 240 рыбинъ на весь годъ. Единственно практикующійся способъ заготовленія—это вяленіе на солнцѣ, такъ какъ осенніе промысла съ замораживаніемъ очень незначительны. Посолки и копченія рыбы камчадалъ не знаетъ, да первое ему и недоступно при дороговизнѣ соли и отсутствіи посуды; а между тѣмъ посолка даетъ прекрасные результаты, какъ можно судить по примѣру одного крестьянина изъ сел. Ключи Подпругина, который солитъ самъ или всю рыбу, или такъ называемые пупки. Пупки — это часть брюшной стѣнки около брюшныхъ плавниковъ, которая вырѣзывается лоскутомъ; она очень жирна и отличается нѣжностью. Приходилось ѣсть двухлѣтнюю посолку, замѣчательно вкусную и хорошо сохранившуюся. Но это исключительный случай состоятельнаго и дѣятельнаго мужика, ведущаго поставку на всѣ суда, приходящія въ Петропавловскъ, имѣющаго лавочку въ деревнѣ и продающаго своей посолки рыбу

въ С.-Франциско, откуда онъ имѣетъ постоянные заказы, продавая по 25 р. за тысячу пупковъ, при посудѣ и соли хозяина. Этотъ Подпругинъ живетъ ни въ чемъ не нуждаясь, съ избыткомъ и даже мѣстною роскошью. Все остальное населеніе, разбросанное на громадной площади полуострова, обречено на жалкое и голодное прозябаніе. Подняться, стать самостоятельно на ноги оно не можетъ; свои неисчерпаемыя рыбныя богатства не въ состояніи эксплоатировать, а отсутствіе вывоза убиваетъ всякую личную энергію, такъ рѣдкую въ камчадалѣ.

Дайте возможность развить рыбные промыслы въ широкихъ размѣрахъ, имѣя всѣ данныя для этого, устройте вывозъ, что очень легко, при громадномъ спросѣ на рыбную пищу на востокѣ, избавьте отъ гнетущей кабалы настоящей торговли урегулированіемъ ея, какъ это сдѣлано напр. на Командорскихъ островахъ, и заброшенная Камчатка возродится. Она получитъ самостоятельную жизнь; не соболь будетъ давать ей жалкія крохи хлѣба, а рыбные консервы обезпечатъ хорошій заработокъ, создадутъ экономическое благосостояніе жителей и разбудятъ ихъ отъ той вѣковой спячки, которая теперь тяготѣетъ надъ ними.

Будемъ надѣяться, что къ предстоящему 200-лѣтію Камчатки (1897) выведутъ ее изъ ложнаго положенія заброшеннаго края и, быть можетъ, обратятъ вниманіе на настоящее богатство края, которое одно только и можетъ возродить его. «Мы обработываемъ землю въ теченіи сотенъ лѣтъ», повторю слова фонъ-Бера, «теперь пора приступить къ обработкѣ водъ».

II.

Рыбныя богатства Сахалина.

Въ предыдущей главѣ я подѣлился своими впечатлѣніями и наблюденіями надъ рыбами Камчатки; въ настоящее время, чтобы дополнить картину, я хочу обратить ваше вниманіе на тѣ же богатства Сахалина и рѣкъ восточнаго побережья Азіи, начиная отъ Посьета до устья Амура.

Къ сожалѣнію, въ разныхъ мѣстахъ могущаго быть рыбнаго промысла я былъ не долго — по нѣсколько дней, а иногда часовъ, тѣмъ не менѣе получившійся матеріалъ, вмѣстѣ съ наблюденіями лицъ, жившими здѣсь продолжительное время, даетъ мнѣ основаніе возбудить вопросъ о широкой эксплоатаціи этихъ рыбныхъ богатствъ и объ урегулированіи этого промысла. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ при покойномъ генералъ-губернаторѣ, баронѣ Корфѣ, для об-

слѣдованія рыбъ побережья Приморской области былъ посланъ старикъ-генералъ, который, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ во Владивостокѣ, направился въ Петербургъ, чрезъ Америку, но на дорогѣ скончался. Этимъ и кончилось изслѣдованіе рыбнаго богатства. Въ научномъ отношеніи мы имѣемъ только три труда, относящіеся къ разсматриваемому вопросу: 1) Замѣтки по ихтіологіи бассейна р. Амура и прилежащихъ странъ—Н. Варпаховскаго и С. Герценштейна 1888 г.; 2) Л. Никольскаго—островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ, 1889 года, и 3) Статьи Варпаховскаго: «Рыбный промыселъ въ водахъ восточной Сибири», 1892 года. Не скажу, чтобы эти труды извѣстныхъ спеціалистовъ исчерпывали все разнообразіе рыбъ въ указанныхъ районахъ — даже въ научномъ отношеніи; практической же стороны касается только послѣдняя статья. Прибавьте къ этому нѣсколько статей въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ [1]) и вы получите всю литературу за послѣднія десять лѣтъ — по вопросу такой первостепенной важности для новаго Края. Мало сдѣлало въ этомъ отношеніи и Общество изученія Амурскаго Края, ссылаясь на свои плохія матеріальныя средства. Между тѣмъ эти богатства иностранцами эксплоатируются уже десятки лѣтъ; были, впрочемъ, попытки правительства переселить въ этотъ приморскій край рыбаковъ съ цѣлію развитія и упроченія рыбнаго дѣла. Астраханскіе рыбаки, выписанные въ Николаевскъ на Амурѣ при адмиралѣ Казакевичѣ, приготовили только нѣсколько фунтовъ осетровой икры, обошедшейся, считая всѣ расходы, около 500 р. за фунтъ, и затѣмъ, бросивъ это дѣло, переселились въ новый тогда портъ Владивостокъ, гдѣ не занимались уже рыбнымъ промысломъ. Въ 1891 году была переселена новая партія рыбаковъ, на самыхъ льготныхъ условіяхъ, но, по странной случайности, они тоже не занялись рыбнымъ промысломъ, и объ нихъ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ Окружнаго Управленія. Были попытки мѣстныхъ лицъ организовать рыбные промыслы; такова, напримѣръ, Лемашевскаго, капитана погибшаго парохода «Владивостокъ», судохозяина Тунышева (1863 г.), г. Больмана, капитана парохода «Владиміръ»—компаніи Шевелева. Первая попытка въ Императорской гавани растроилась, не начавшись; Турышевъ, вблизи береговъ Де-Кастри началъ ловить треску, но прекратилъ дѣло за ея малочисленностью; третья попытка въ устьѣ Амура была

[1]) *Алябьевъ.* «Всемірный Путешественникъ», 1872 года, № 11. *Алмазовъ.* «Природа и Охота» 1885 г., кн. IX. *Бровцынъ.* «Восточное Поморье» 1865 г., № 13—15. «Владивостокъ», 1887 года, № 13; 1888 года, № 41—42. «Вѣстникъ Рыболовства», 1892 года, № 5—6. *В. И. Вешняковъ.* «Рыболовство и Законодательство», 1894 года.

запрещена, по какому-то недоразумѣнію съ мѣстнымъ начальствомъ. Во всѣхъ бухтахъ указанной выше Приморской полосы, гдѣ находите рѣки и рѣчки, вы встрѣчаете огромныя массы періодической рыбы, — лососевыхъ породъ. Достаточно привести слѣдующій примѣръ: при бывшемъ командирѣ Сибирскаго экипажа Палеологѣ каждое лѣто посылался въ бухту Славянска экипажный коммисаръ съ командой, шлюпками, бочками и кулями соли. Чтобы сдѣлать запасы на зиму для всего экипажа, онъ больше 3—4 разъ не забрасывалъ неводъ, ибо, по его словамъ, рыбы некуда было дѣвать. Потомъ съ перемѣной экипажнаго командира это дѣло было брошено.

Въ окрестностяхъ Влидивостока рыбнымъ промысломъ занимаются теперь только китайцы, для ежедневнаго употребленія; и всегда спросъ бываетъ больше предложенія. О какомъ-нибудь заготовленіи въ прокъ не можетъ быть и рѣчи; поэтому ежегодно выписываются большія партіи изъ Николаевска.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло на Амурѣ. Здѣсь два раза въ лѣто — лососевые лохи, сплошными массами, поднимаются въ рѣку, и тогда ее ловятъ туземцы—гиляки и русскіе жители прибрежныхъ селеній. Для своего потребленія каждая хозяйка солитъ рыбу сама. Лучшіе сорта, идущіе въ продажу, приготовляетъ фирма «Пфайль и Гольмгренъ», до 200,000 пудовъ. Въ послѣдніе годы стали приходить шхуны, которыя, скупая рыбу, солятъ ее японскимъ способомъ въ шхунахъ и увозятъ. Одна шхуна принадлежитъ владивостокскому купцу Семенову, а другая — японцу изъ Іокагамы. Японцы обыкновенно приходятъ съ запасами соли, и, поднявшись выше Николаевска, скупаютъ у гиляковъ пойманную рыбу, платя за сотню кэты отъ $1^1/_2$ до 2 руб. Такая шхуна въ 1892 г. купила 24 т. штукъ, заплативъ всего 420 руб., а продавала въ Іокагамѣ 13—14 штукъ за іену или выручила всего около 2 тыс. руб. Въ 1893 году отправились уже двѣ японскихъ шхуны, на одной изъ которыхъ былъ японецъ-переводчикъ нашего посольства въ Токіо. На этотъ разъ онѣ отправились раньше, чтобы не пропустить, какъ въ первый годъ, перваго хода рыбы.

Весенній ходъ кэты начинается около 25-го Іюня и распадается на три періода, съ промежутками 3—4 дня; осенній ходъ начинается съ половины Августа, въ три періода также, съ промежутками въ 3—4 дня, причемъ послѣдній ходъ продолжается уже до закрытія рѣки, въ началѣ Октября. Лучшей рыбой считается весенняя, тогда какъ осенняя болѣе крупная 15—20 ф. вѣсомъ.

Здѣсь, какъ и въ Камчаткѣ, начало хода довольно сильно варьируетъ; иногда первый ходъ приходится на вторую половину Іюня; причины такого колебанія мало обслѣдованы. Указываютъ обыкно-

*

венно на присутствіе льдовъ, хотя по моимъ наблюденіямъ, не ледъ собственно, а температура воды играетъ болѣе важную роль. Приходилось наблюдать, что рѣки Камчатки давно очистились отъ льда, а рыбы все-таки не было. Если зима запаздывала въ Японіи, въ Камчаткѣ всегда наблюдался поздній ходъ всѣхъ періодическихъ рыбъ.

Другія рыбы Амура, какъ красноперъ (Cyprinus leptocephalus), ленокъ (Salmo Coregonoides), осетеръ (Acipenser Sturio), бѣлуга амурская (Ac. orientalis), до 8—9 пудовъ вѣсу, и др. экспортнаго значенія, по своей незначительности, не могутъ имѣть, а потому я на нихъ не останавливаюсь.

Говорить о рыбныхъ промыслахъ на дальнемъ Востокѣ — значитъ говорить о дѣятельности японцевъ въ нашихъ водахъ. Центръ японскихъ рыбныхъ промысловъ издавна находился на южной оконечности Сахалина. Въ 1875 году, при обмѣнѣ Курильскихъ острововъ на южный Сахалинъ японцы по трактату выговорили селѣ право свободнаго промысла на десять лѣтъ. По истеченіи этого періода японцы добились продолженія этихъ льготъ для рыбныхъ промысловъ, хотя съ значительной вывозной пошлиной—5 к. золотомъ съ пуда. До 1884 года японцы платили въ казну только за лѣсъ, употреблявшійся ими для вытапливанія рыбьяго жира и за аренду земли подъ сараи; это повело къ обезлѣсенію побережья южнаго Сахалина. Плата съ 1881 по 1884 годъ въ общей сложности составила только 1,232 р. Въ 1884 г. вывезено было 22,762 пуда рыбы, за что уплочено пошлины 2,850 р. Японцы распоряжались здѣсь, какъ на своемъ собственномъ островѣ; вылавливали все возможное количество, перегораживая рѣки и лишая айновъ единственнаго пропитанія. Рыбы не хватило для живущихъ на Сахллинѣ; такъ, въ 1885 году ее доставляли изъ Николаевска, тогда какъ въ томъ же году владивостокскій купецъ Семеновъ вывезъ изъ Мауки 3 тыс. пудовъ трески и 10 тыс. пуд. сушеной селедки въ Японію. Въ настоящее время подобное хозяйничество японцевъ продолжается на Сахалинѣ въ прежнемъ видѣ. Я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на японской организаціи рыбныхъ промысловъ, въ разсчетѣ, что подобныя свѣдѣнія современемъ пригодятся и для русскихъ промышленниковъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что японцы хорошо знакомы съ южной оконечностью Сахалина; они имѣютъ подробное и практически составленное описаніе растительности, климата, мѣстъ удобной стоянки для небольшихъ шхунъ; есть данныя о количествѣ лѣса въ разныхъ бухтахъ; имъ хорошо извѣстны температура воздуха и воды въ періодѣ рыбнаго промысла; не забыты даже такія примѣты, что если много комаровъ, то много будетъ и рыбы.

Вся организація промысловыхъ судовъ и шлюпокъ сосредоточивается въ Хакодате, куда въ февралѣ собираются шкуны со всего Хокнайдо и изъ губерній Нигата (по западному берегу Ниппона). Къ этому времени съѣзжаются оптовые торговцы, промышленники и члены рыбныхъ компаній для заключенія предварительныхъ условій. Установленныя на этомъ собраніи цѣны потомъ уже не мѣняются. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ канцеляріи губернатора г. Хакодате, видно, что въ 1892 г. были слѣдующія цѣны: семга за 100 коку [1])—447 іенъ [2]), селедка за 100 коку—460 іенъ, красная, хайко, горбуша—310 іенъ. При этомъ деньги уплачиваются судохозяевами впередъ, на что тѣ пріобрѣтаютъ разные товары для уплаты за трудъ инородцевъ. Одна сѣть (очень большихъ размѣровъ) въ лѣто приноситъ 400 коку (2400 пуд.) семги и красной; для сельди это трудно опредѣлить, такъ какъ мало находится опытныхъ работниковъ, но считаютъ обыкновенно, около 300 коку на одну сѣть въ лѣто.

Какъ только условія заключены, шкипера и судовладѣльцы заготовляютъ матеріалъ для промысловыхъ шлюпокъ, которыя въ разобранномъ видѣ доставляются на мѣста пароходомъ и тамъ уже сколачиваются, но нѣкоторыя шлюпки доставляются готовыми. На каждую шхуну для промысла красной рыбы и лѣтней семги, берется 15 человѣкъ команды и одинъ капитанъ; въ помощь имъ берутся мѣстные жители — орочи и айны. Каждый рабочій такой шхуны за сезонъ получаетъ 22 — 28 іенъ (т. е. отъ 33 до 42 р.), если ловится исключительно красная рыба, то плата рабочему меньше, отъ 12 — 15 іенъ (до 22 р.) за сезонъ. Для осенней семги спеціально не нанимаютъ ни рабочихъ, ни шкунъ, а послѣ лова и уборки красной рыбы прибавляютъ каждому рабочему, если онъ согласится, отъ 5 до 6 іенъ (до 9 руб.).

На шхуну для сельдянаго промысла берется 25 челов. команды, къ которой прибавляютъ 15 туземцевъ. Капитанъ шхуны для лова красной рыбы и селедки получаетъ 70 іенъ въ мѣсяцъ, для лова одной красной 30 — 35 іенъ, а для осенней семги — прибавляютъ ему 15 іенъ.

Туземцамъ за работы уплачивается исключительно товаромъ: крѣпкому рабочему за весь сезонъ даютъ матеріаловъ на $4^1/_2$ іены (т. е. на 7 р.): неочищеннаго рису около 2 пудовъ, полкуска бумажной синей матеріи, полкуска черной бумажной матеріи, одну трубку, 15 пачекъ японскаго табака и нѣсколько иголокъ и нитокъ.

[1]) Коку—равняется на нашъ вѣсъ около $6^1/_2$ пуд.

[2]) Японскій іенъ или долларъ — въ этомъ году равнялся на наши деньги 1 р. 45 к. — 1 р. 60 к.

Второстепеннымъ рабочимъ и женщинамъ отпускаютъ вышеупомянутыхъ товаровъ на $3^1/_2$ іены (или на 5 руб.) и это за спѣшную ежедневную работу съ апрѣля до октября!..

Когда такимъ образомъ организовано все дѣло, цѣлая флотилія японскихъ джонокъ и европейскаго типа шхунъ, числомъ до 300, отправляются въ Корсаковскій постъ для опредѣленія ихъ вмѣстимости, полученія свидѣтельства и взноса вывозной пошлины.

Японцы промышляютъ главнымъ образомъ сельдь, горбушу, кэту и семгу, хотя уловъ этой послѣдней рыбы въ отчетѣ японскаго консула въ Корсаковскомъ посту и не показанъ. Сельдь японцы не ѣдятъ, а потому весь уловъ ея идетъ на приготовленіе удобрительнаго тука, причемъ при выварке получается сельдяной жиръ, о количествѣ котораго также я не могъ получить на мѣстѣ точныхъ свѣдѣній. Но судя по вычисленію г. Мицуля, эта операція требуетъ болѣе 600 котловъ и 15,000 саженъ дровъ.

Кэта и горбуша засоливаются сухимъ, такъ называемымъ японскимъ способомъ. Операція эта дѣлается такимъ образомъ, что въ деревянномъ сараѣ на невысокихъ столбахъ, съ хорошей вентиляціей, по полу насыпается слой соли, затѣмъ кладется распластанная рыба и засыпается солью; потомъ опять рыба и опять соль. Получается цѣлая колонна около $1^1/_2$ — 2 саж. высоты. Вслѣдствіе собственной тяжести рыба прессуется, причемъ часть воды и разсола уходитъ. На 6000 штукъ кэты обыкновенно употребляется при такой посолкѣ 200 кульковъ японской соли [1]); на 14,000 горбуши идетъ всего 150 кульковъ соли. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ японскаго консула въ Корсаковскомъ посту, добыто:

	1891 г.	1892 г.
Удобрительнаго тука изъ сельди . .	2,244 коку [2])	3,318 коку.
Горбуши и кэты соленой	6,780 »	22,988 »
Или . .	56,144 пуда	157,836 пуд.

При самой низкой цѣнѣ, японцы увозятъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Но я думаю, что данныя мнѣ цифровыя свѣдѣнія далеко не точны и не согласуются съ биржевыми бюллетенями въ Іокогамѣ и Нагасаки, въ которыхъ часто приходилось встрѣчать напримѣръ: русскую треску, семгу, сушеную селедку.

Этой послѣдней, какъ удобрительнаго тука, вывезенной съ Сахалина, продается почти на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ.

---

[1]) Такой кулекъ въ $2^1/_2$ пуда вѣсомъ, стоитъ въ Японіи 40—50 сенъ (или 60—75 коп.).

[2]) Коку равняется $6^1/_2$—7 пудовъ.

Не смотря на всѣ свои старанія, я не могъ получить болѣе подробныхъ свѣдѣній ни изъ канцеляріи губернатора Сахалина, ни въ управленіи Корсаковскаго поста, ни отъ мѣстнаго японскаго консула.

Въ Токіо, въ департаментѣ земледѣлія и водныхъ промысловъ мнѣ отказали, ссылаясь на то, что департаментъ не располагаетъ точными указаніями, сколько ловится и вывозится рыбы съ Сахалина. А между тѣмъ, при существующемъ надзорѣ, иногда въ лицѣ какого-нибудь унтеръ-офицера, есть основаніе предполагать, что дѣйствительно вывозное количество далеко превышаетъ показанныя цифры.

Да оно и понятно, если разсмотрѣть по времени, какая масса рыбы подходитъ къ берегамъ Сахалина. Здѣсь повторяется та же картина несмѣтныхъ массъ рыбы, какую мы видѣли въ Камчаткѣ. Еще раньше прихода японскихъ шхунъ, именно съ средины февраля, къ восточнымъ берегамъ южнаго Сахалина подваливаютъ огромныя массы наваги, которая держится у берега до послѣднихъ чиселъ марта; въ это же время появляются стада корюшки, которая держится при устьѣ нѣкоторыхъ рѣкъ, больше всего при устьѣ р. Нева или Су.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля начинается ходъ чавачи. (Salmo orientalis), которая сплошными массами заполняетъ рѣки. У восточныхъ береговъ Сахалина чавача встрѣчается гораздо больше, напримѣръ въ р. Найбучи, тогда какъ у западныхъ и южныхъ меньше. Едва успѣютъ справиться съ уборкой чавачи, какъ къ берегамъ острова подваливаютъ огромныя стада сельди, занимающія площадь моря въ нѣсколько десятковъ миль. Эти несмѣтныя руна трудно выразить цифрами; если во время хода случается юго-западный свѣжій вѣтеръ, то морскими волнами рыбу выбрасываетъ на песчаную косу, гдѣ, какъ напримѣръ, между м. Кусунай и сел. Коммо-Сирара, приходится видать ея цѣлыя горы на протяженіи 5 — 6 верстъ. Сельдь, входя съ востока въ Лаперузовъ проливъ, раздѣляется на двѣ партіи: одна идетъ по берегамъ залива Анива, въ глубь до р. Сусуя, впадающей въ бухту лососей; главныя мѣста улова здѣсь бухточки Пороанъ-Томари, Кусунъ-Котанъ и Корсаковскій постъ: другая партія мимо Крильона поднимается вдоль западнаго берега, гдѣ, сѣвернѣе сел. Маука, производится главный уловъ. Часть сельди вялится на жердяхъ, другая вываривается; уборка и упаковка того и другого заканчивается къ концу августа и началу сентября.

Второй ходъ сельди бываетъ въ серединѣ мая; на этотъ разъ она идетъ далѣе отъ берега; эта сельдь суше, хотя и больше. Нужно

отмѣтить ту особенность, что сельдь, показывающаяся у южныхъ и западныхъ береговъ Сахалина, бываетъ обыкновенно крупнѣе, чѣмъ со стороны Охотскаго моря.

Не успѣютъ японцы передохнуть послѣ спѣшной ловли сельди, какъ появляется горбуша съ первыхъ чиселъ іюня и идетъ въ рѣки въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; вмѣстѣ съ ней плывутъ красноперъ и линекъ.

По слѣдамъ горбуши съ начала августа съ удивительнымъ напоромъ, запружая всѣ рѣки, идетъ кэта (S. lagocephalus), впервые описанная Палласомъ.

Кэта до того переполняетъ устья рѣкъ, что вода принимаетъ рыбный вкусъ и весла задѣваютъ рыбу, которой не куда посторониться отъ шлюпки.

Вотъ тутъ то и начинается безконтрольное хозяйничество японцевъ: они вопреки запрещенію перегораживаютъ рѣки почти на глухо. Такимъ образомъ въ верховья рѣкъ попадаетъ самое незначительное количество, да и та бываетъ лощалая, избитая, покрыта пятнами; она такъ ослабла, что постоянно выдѣляются жидкія испражненія. Выброшенная на берегъ, она сейчасъ засыпаетъ; вкусъ ея непріятный. Въ то время, когда за грошь мы отдаемъ лучшую рыбу на расхищеніе японцамъ, которые напримѣръ, въ устьѣ Тыши набираютъ ея десятки тысячъ пудовъ, въ верховьяхъ этой рѣки на долю поселенцевъ и арестантовъ въ Дербентскомъ попадаются жалкіе остатки. На тюремныхъ рыбныхъ ловляхъ едва добывается до 2 т. пудовъ кэты, которая и въ соленомъ видѣ сильно воняетъ. Въ рѣки Сахалина кэта идетъ гораздо позже, чѣмъ въ Амуръ и рѣки Камчатки; причиной этому нужно считать проходящій по восточному берегу полуострова ледъ изъ Охотскаго моря, который иногда здѣсь плыветъ въ іюнѣ, а въ бухтѣ Терпѣнія онъ стоитъ до второй половины мая.

Послѣ хода кэты наступаетъ небольшое затишье въ дѣятельности рыбаковъ; большинство японскихъ промышленниковъ спѣшатъ убрать свою добычу; нѣкоторые же остаются до конца октября и занимаются ловлей семги. Но для Сахалинцевъ рыбный промыселъ не кончается: со второй половины ноября показывается огуречникъ (чехъ-но), преимущественно въ бухтѣ Анива, заходитъ въ устья рѣкъ, но вверхъ не поднимается. Наибольшій ходъ его наблюдается въ бухтѣ Буссе. Айны огуречникъ не готовятъ въ запасъ, а ѣдятъ его въ свѣжемъ видѣ.

Рыбный сезонъ заканчивается ходомъ камбалы къ устьямъ рѣкъ, которая здѣсь мечетъ икру.

Такимъ образомъ въ теченіи всего лѣта по всему южному Са-

халину встрѣчается періодическая рыба въ такихъ баснословныхъ массахъ, которыя вѣроятно попадали только въ апостольскія сѣти. Русскіе совсѣмъ не эксплоатируютъ этого богатства; русское правительство, разрѣшая японцамъ ловъ этой рыбы за ничтожную плату, тѣмъ самымъ подрываетъ возникновеніе русскихъ промысловъ. Если вѣрить японскимъ даннымъ, съ юга Сахалина увозится на японскихъ шхунахъ около 200 т. пуд. рыбы и удобрительнаго тука, за что японцы уплачиваютъ пошлины не болѣе 8 т. рублей золотомъ.

Характеръ японскихъ рыбныхъ промысловъ такого рода, что требуетъ урегулированія. Лѣса по берегу вырубаются, почва загрязняется, туземцы и арестанты Сахалина принуждены довольствоваться остатками лощалой, полуживой рыбы, случайно проникшей въ верховья рѣкъ.

Мы видѣли, что японцы, увозя богатую добычу своихъ промысловъ, платятъ орочанамъ и айнамъ за 5-ти мѣсячный трудъ отъ 5—8 руб., при томъ товаромъ по ихъ собственной разцѣнкѣ. Эксплоатація—слишкомъ безобразная, чтобы на нее не обратить вниманія. Всѣдствіе недостатка рыбы въ верховьяхъ, а также страннаго отношенія тюремнаго вѣдомства къ продовольствію арестантовъ, эти послѣдніе совсѣмъ не пользуются рыбнымъ продовольствіемъ. По отчету Главнаго Тюремнаго вѣдомства за 1891 г. (изд. 1893 г. стр. 330) въ тыловскомъ округѣ рыбы совсѣмъ арестантамъ не выдавалось; въ Корсаковскомъ посту выдано было только 412 пудовъ.

Заканчивая свое сообщеніе о рыбныхъ богатствахъ Камчатки и Сахалина, я долженъ указать съ одной стороны на ту массу и разнообразіе породъ рыбы, прекраснаго качества, и съ другой—на отсутствіе всякой эксплоатаціи этого пищеваго продукта съ нашей стороны. Начавъ эксплоатацію рыбы въ рѣкахъ и бухтахъ Камчатки и Сахалина, мы тѣмъ самымъ доставили бы громадный заработокъ жителямъ, улучшивъ ихъ экономическое положеніе, которое теперь—безотрадно и ведетъ къ вымиранію. О сбытѣ рыбныхъ консервовъ нечего и говорить: Китай и Японія потребляютъ такое количество рыбы, преимущественно солено-вяленой кэты и трески, что мы имѣемъ громадный рынокъ для сбыта. Консервы морской селедки, которою изобилуетъ Сахалинъ, могли бы избавить Россію отъ уплаты 8 милліоновъ рублей за ввозимую иностранную селедку; даже доставка ея съ Сахалина обойдется дешевле (25 к. съ пуда кредитныхъ), чѣмъ существующая ввозная пошлина (27 коп. золот.).

Съ другой стороны съ грустью нужно отмѣтить, что японцы все болѣе и болѣе расширяютъ свою эксплоатацію нашихъ рыбныхъ богатствъ.

Я очертилъ ихъ дѣятельность на Сахалинѣ; но въ прошломъ

году они расширили свой районъ, начавъ ловлю рыбы въ бухтѣ—Св. Ольга, Императорской гавани, Де-Кастри и но Мангухѣ. Уловъ ведется самымъ не хозяйственнымъ образомъ, безъ всякаго надзора; поэтому крайне желательно:

1) урегулировать рыбные, какъ и всякіе другіе водные промысла въ водахъ Приморской области, и 2) создать надзоръ или инспекцію, которая, помимо административныхъ обязанностей, изучала бы и съ научной стороны водные промысла, и такимъ образомъ создала бы раціональную основу для эксплоатаціи нетронутыхъ богатствъ, имѣющихъ громадный экономическій интересъ для возрождающагося края. Пора прекратить хищничество иностранцевъ и самимъ взяться за дѣло, которому предстоитъ богатая будущность.

III.

Морскіе котики.

Со времени открытія острововъ Командорскихъ и Прибылова, морской котикъ (Otaria ursina L.) обратилъ на себя вниманіе охотниковъ своимъ прекраснымъ мѣхомъ. Количество этого пелагическаго животнаго, періодически появляющагося у названныхъ острововъ, было изумительно. Такъ Прибыловъ на островахъ, носящихъ теперь его имя, упромыслилъ въ 1786 г. болѣе 30 т. котовъ. До основанія Россійско-Американской компаніи въ 1792 г. промыслы морскихъ котиковъ велись хищническимъ способомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: каждый, приходившій сюда охотникъ убивалъ звѣря, сколько могъ.

Но уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности, Р.-А. К° замѣтила уменьшеніе количества звѣря, которое грозило ей большими убытками. Тогда были приняты нѣкоторыя мѣры хозяйственной эксплоатаціи звѣря. Вступившая ей на смѣну (съ 1871 г.) Аляскинская компанія (Гутчинсонъ, Кооль и К°), въ теченіе своей 20-тилѣтней дѣятельности, также много заботилась о выработкѣ раціональныхъ основъ котиковаго промысла. Но когда съ 1880 г. компанія поняла, что контрактъ ея съ русскимъ правительствомъ не будетъ возобновленъ, то за истребленіе котика принялась самымъ усерднымъ образомъ, оставивъ въ сторонѣ всякія хозяйственныя соображенія. По моему, это — главная причина, почему съ этого времени цифра убоя котовъ такъ быстро увеличивается. По оффиціальнымъ даннымъ за первыя 10 лѣтъ Аляскинская компанія убила 220 т., тогда какъ во вторую половину 365 т.

Понятное дѣло, что послѣ такого энергичнаго способа промысла количество звѣря значительно уменьшилось. Этому уменьшенію

также много способствовало сильное развитіе хищническаго промысла, для котораго ежегодно отправлялись изъ Америки десятки шхунъ, занимавшіяся главнымъ образомъ избіеніемъ звѣря на мѣстахъ его кормежки или на пути переселеній котовъ съ юга на сѣверъ.

Уменьшеніе котовъ въ двухъ главныхъ районахъ сѣверной части Тихаго океана обратило наконецъ на себя вниманіе правительствъ: Соединенныхъ Штатовъ, Англіи и Россіи. Въ результатѣ получился парижскій конгрессъ посредниковъ для рѣшенія вопроса объ охранѣ этого животнаго.

Несмотря, однако, на полутора-вѣковой опытъ съ одной стороны, а съ другой—не смотря на прекрасныя работы Allen, Briant, Elliot, Крашенинникова и Веніаминова, въ котиковомъ вопросѣ оставалось много деталей, безъ научнаго изслѣдованія которыхъ нельзя было ожидать выработки нормальныхъ и раціональныхъ способовъ охраны морскаго котика. Масса подробностей и распросныхъ указаній, собранная въ «Report of the Behring Sea Commission» (1893 г.), не рѣшала вопросъ окончательно. Оставались весьма важные пробѣлы, безъ обслѣдованія которыхъ невозможна была раціональная постановка какъ самихъ промысловъ животнаго, такъ и способовъ его охраны.

Командированный въ 1892 г. морскимъ министерствомъ для изслѣдованія фауны Берингова моря, я между прочимъ занялся изученіемъ двухъ основныхъ вопросовъ котиковаго промысла, именно о характерѣ размноженія и путяхъ переселенія. Съ этою цѣлію я два лѣта (въ общей сложности около 10 мѣсяцевъ) провелъ на Командорскихъ островахъ, а на зиму 1892—93 г. былъ командированъ въ Японію для собиранія свѣдѣній и изслѣдованія вопроса о томъ, гдѣ въ японскихъ водахъ и у какихъ береговъ встрѣчаются коты лѣтомъ и зимой?

Такимъ образомъ собранный мною матеріалъ и полученные результаты позволяютъ мнѣ коснуться съ указанныхъ сторонъ котиковаго вопроса ранѣе окончательной разработки анатомическихъ препаратовъ. Сдѣлать предварительное сообщеніе считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно имѣетъ большой практическій интересъ.

Въ послѣднее время промышленными компаніями постановлено бить только однихъ холостяковъ, т. е. самцовъ 2—3 лѣтъ. Приходя на лежбища, коты-холостяки ложатся отдѣльно отъ гаремовъ сѣкачей, сходя часто въ море, чтобы поиграть или добыть себѣ пищи. Присутствіе того или другаго количества холостяковъ обусловливаетъ промыселъ, т. е. возможное большее или меньшее количество ихъ убоя. Самки, тотчасъ по приходѣ на лежбища, плодятся,

принося одного котенка, и какъ рѣдкое исключеніе—двухъ. Спустя 3—4 дня послѣ родоваго акта, начинается бурная половая жизнь сѣкача, который, ревниво оберегая составленный имъ гаремъ, цѣлый мѣсяцъ и болѣе не спитъ, не ѣстъ и не пьетъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы игривыя его подруги не ушли въ другой гаремъ или въ море къ большимъ холостякамъ, зачастую поджидающимъ ихъ по близости отъ лежбища. Со словъ алеутовъ, всѣ наблюдатели, писавшіе о жизни котовъ, утверждаютъ, что самка вскорѣ послѣ телета оплодотворяется сѣкачемъ и что она родитъ, какъ общее правило, каждый годъ.

Такимъ образомъ, число гаремовъ, или количество самокъ даетъ указаніе на ту сумму холостяковъ, которая черезъ три года можетъ быть упромышлена, за исключеніемъ, конечно, извѣстнаго процента могущихъ погибнуть до того.

Матки безъ дѣтей весной на лежбищѣ считались исключеніемъ, хотя болѣе или менѣе постояннымъ и, по глазомѣрному наблюденію старовояжныхъ, говоритъ Веніаминовъ, безошибочно можно полагать, что не болѣе, какъ пятая часть изъ наличныхъ матокъ бываетъ бездѣтными.

Считая вопросъ о характерѣ размноженія котовъ основнымъ, я съ этою цѣлію, начиная съ конца іюня и до конца сентября дѣлалъ отгоны матокъ, причемъ каждый разъ съ сѣвернаго лежбища о. Беринга и на Тюленьемъ островѣ бралось нѣсколько десятковъ самокъ, изъ которыхъ алеуты выбирали пять, считавшихся, по ихъ понятіямъ и примѣтамъ, беременными. При вскрытіи такихъ самокъ найдено: a) у всѣмъ самокъ изъ сосковъ и при разрѣзѣ вмѣстѣ съ кожей молочныхъ железъ выдѣлялось въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ молоко, какъ положительный признакъ родовъ этого года; b) при вскрытіи матки (uterus) найдены слѣды прикрѣпленія послѣда, иногда съ гнойнымъ отдѣленіемъ; c) у всѣхъ 25 самокъ, считавшихся беременными и долженствовавшихъ принести приплодъ лѣтомъ слѣдующаго года, *взятыхъ прямо на лежбищѣ*, зародыша не найдено; d) при разрѣзѣ и осмотрѣ яичниковъ найдены измѣненія, такъ называемыя желтыя тѣла (corpus luteum); число ихъ варьировало отъ 4 до 7; e) на яичникахъ и фаллопіевыхъ трубахъ почти во всѣхъ случаяхъ найдены новообразованія (кисты) съ мутнымъ, иногда съ прозрачнымъ содержимымъ.

Получивъ такой неожиданный результатъ относительно зародыша и предполагавшейся беременности, которую въ раннемъ случаѣ моихъ вскрытій нужно было считать не меньше какъ трехнедѣльной, я задался мыслью подойти къ рѣшенію вопроса о беременности другимъ путемъ. Зная, что нерпы (Haïr seal, Phoca vi-

tulina) забеременѣваютъ почти одновременно съ морскимъ котикомъ и также любятъ выходить на рифы во время отливовъ, я убилъ шесть нерпъ *на берегу* и при вскрытіи также не нашелъ въ маткѣ зародыша. Въ то же время убито было много нерпъ *на водѣ* (а одна въ тотъ же день съ убитыми на берегу около о. Старичковъ), и я получилъ серію зародышей, начиная съ 8 августа длиною въ 15 мм. и до конца сентября — длиною въ 8—9 сантиметровъ. Одновременно было убито (28 іюня) двѣ самки морскаго котика на водѣ у Тюленьяго острова, — и въ обоихъ случаяхъ найденъ зародышъ длиною въ 12 мм. и по развитію своему вполнѣ похожій на зародышъ нерпы, убитой 8 августа.

Теперь, анализируя вышеприведенные факты, я логически долженъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) большинство самокъ, остающихся на лежбищѣ съ котятами, оказываются не беременными; это наводитъ на предположеніе, что самка не каждый годъ родитъ, чѣмъ и объясняется медленный приплодъ морскихъ котиковъ; 2) забеременѣвшая самка не остается на лежбищѣ, а держится на водѣ или отправляется на Sealing-ground's для кормежки; вѣроятно въ первые дни изрѣдка и ненадолго возвращается на лежбище для кормленія грудью котенка; 3) родившія въ этомъ году и не беременныя для слѣдующаго года самки съ котятами долго остаются на берегу и вѣроятно съ 1-го августа составляютъ главный элементъ постоянныхъ обитателей лежбища.

Дѣлая вскрытіе, я обратилъ особое вниманіе на желтыя тѣла яичниковъ, чего до сихъ поръ не принимали во вниманіе при изученіи жизни морскаго котика (за исключеніемъ одного Bryant'a).

Извѣстно, что физіологическая функція яичника у самки связана съ явленіями течки (menstrua) и съ образованіемъ фолликулъ, въ которыхъ и созрѣваютъ яйца, впослѣдствіи оплодотворяемыя самцомъ. На мѣстѣ лопнувшаго фолликула или пузырька Граафа остается рубецъ, результатъ обратнаго развитія, который, по Бишофу, и служитъ указаніемъ бывшей беременности. Костъ (1847 г.) и Сенетти (1879 г.) говорятъ, что число рубцовъ съ извѣстной окраской, находимыхъ на поверхности яичника, соотвѣтствуетъ числу бывшихъ регулъ (menstrua). Такимъ образомъ, у самки морскаго котика число желтыхъ пятенъ будетъ соотвѣтствовать количеству предшествовавшихъ родовъ.

Въ моихъ вскрытіяхъ и изслѣдованіяхъ число ~~тем~~ыхъ тѣлъ варьировало отъ 4 до 7 и этотъ послѣдній случай встрѣтился у самки съ красными деснами, стертыми и отчасти выпавшими зубами, что, по заявленію алеутовъ, служитъ прямымъ признакомъ старости.

Такимъ образомъ, отсутствіе зародыша у убитыхъ мною самокъ и небольшое количество находимыхъ въ яичникахъ желтыхъ тѣлъ какъ бы согласуется съ высказаннымъ мною выше предположеніемъ, что самка родитъ не каждый годъ. Считая, по общепринятому воззрѣнію, продолжительность жизни самки въ 20 лѣтъ и возрастъ первой беременности на 3—4 году, мы и должны получить всего восемь приплодовъ, каждый — черезъ годъ [1]).

Изученіе и значеніе Sealing-ground's также служитъ подтвержденіемъ моихъ предположеній. Это не отмели въ океанѣ, какъ думали прежде, а пункты кормленія котовъ на мѣстѣ прохожденія рыбы въ рѣки для метанія икры. Вопросъ о путяхъ кочеванія рыбы въ океанѣ мало изученъ, но несомнѣнно уже теперь, что каждая порода рыбы избираетъ себѣ опредѣленную температуру воды, зависящую отъ существующихъ теченій. Если сардина предпочитаетъ температуру отъ 12—15° С., то треска уже избѣгаетъ 12° С., слѣдуя, однако, въ полосѣ холоднаго теченія изъ Ледовитаго океана къ берегамъ Африки, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и появляется на поверхности, какъ показалъ Отрё. Граница этихъ теченій не есть что-то постоянное, а подвергается значительнымъ измѣненіямъ. и для сѣверной части Тихаго океана за послѣдніе годы нужно признать перемѣщеніе границъ теплаго теченія ближе къ Камчаткѣ, Прежде бухта у сел. Никольскаго замерзала до Аріева камня, т. е. на семь миль, выкиднаго лѣса было больше и Sealing-ground's находились отъ Командорскихъ острововъ въ 10—15 миляхъ. Въ настоящее время ничего подобнаго не наблюдается: зима на островахъ стала теплѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Sealing-ground's ближе 100—150 теперь не встрѣчаются. Я видѣлъ даже карту на одной изъ арестованныхъ (1893 г.) хищническихъ шхунъ съ указаніями такихъ мѣстъ въ упомянутомъ разстояніи. Вотъ на этихъ время отъ времени перемѣщающихся Sealing-ground's промышленники бьютъ котовъ и главнымъ образомъ беременныхъ самокъ, какъ показываютъ статистическія свѣдѣнія о хищномъ промыслѣ.

Переходя теперь ко второму интересовавшему меня вопросу, именно къ путямъ переселенія командорскихъ котовъ, я прежде всего долженъ отмѣтить тотъ фактъ, наблюдаемый и у другихъ животныхъ, въ особенности у птицъ и рыбъ, что котикъ, родившійся на данномъ лежбищѣ, въ слѣдующемъ году придетъ на то же мѣсто. Это общее инстинктивное чувство животнаго имѣетъ нѣчто аналогичное съ человѣческимъ чувствомъ къ родинѣ. Поэтому по-

[1]) Микроскопическія изслѣдованія яичниковъ должны многое выяснить въ этомъ темномъ вопросѣ. Препараты яичниковъ переданы въ Императорскій Сельскохозяйственный музей.

нятно, почему прибыловскіе коты не приходятъ на Командорскіе острова и наоборотъ; я даже думаю, что котики, родившіеся на о. Итурунѣ или Тюленьемъ никогда не поднимаются до о. Беринга, чѣмъ и нужно объяснить разницу въ шерсти и добротѣ мѣха котовъ разныхъ раіоновъ.

Окончивъ половой періодъ и выкормивъ котятъ, командорскіе коты спускаются на зиму къ югу и, какъ думалъ Миддендорфъ, до 42° с. ш., т. е. до Сангарскаго пролива. Послѣднія наблюденія, а также свѣдѣнія, полученныя мною въ Японіи, оффиціальныя и частныя, показываютъ, что коты спускаются гораздо южнѣе, что вдоль восточныхъ береговъ Ниппона они появляются въ ноябрѣ и остаются въ прибрежной полосѣ до января. Самой южной границей ихъ переселенія нужно теперь считать островъ Боннинъ-сама, или 33° с. ш. Одна изъ главныхъ причинъ, удерживающихъ здѣсь котовъ, ходъ рыбы, приваливающей въ этотъ періодъ къ берегу и отчасти заходящей въ бухты и рѣки Ниппона для нереста. Ширина полосы, въ которой встрѣчаются здѣсь коты, разнится въ зависимости отъ характера береговъ и морскаго дна; такъ, у мысовъ Кинка-санъ, Аккесъ (на о. Дай-коку), на о. Урурп-сама она не превышаетъ пяти миль, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ встрѣчали за 250 миль отъ берега. Вообще можно сказать, что отъ о-ва Боннинъ-сама (о-ва Савара) вдоль восточныхъ береговъ провинцій Ава, Кій и Идзу, самыхъ южныхъ предѣловъ распространенія, коты попадаются въ небольшомъ количествѣ; сѣвернѣе же, около Сендай и выше, ихъ встрѣчаютъ большими табунами.

Около половины марта (н. ст.), съ уменьшеніемъ здѣсь пищи и наступленіемъ болѣе теплаго времени, коты двигаются къ о. Дай-коку. Далѣе, достигнувъ сѣверной оконечности Іессо, приблизительно 1—15 мая, стада котовъ раздѣляются на партіи, отправляющіяся на мѣста своего рожденія. Первая партія разсѣевается по Курильской грядѣ, гдѣ находятся старинныя и главныя лежбища—на оо. Сурето, Мусури и Райкоке; вторая идетъ къ Тюленьему о-ву, отдѣляя часть, доходящую до мыса Елизаветы на сѣверѣ Сахалина, и вторую — въ Лаперузовъ проливъ къ камню Опасности и м. б. Татарскій проливъ. Третья партія, уроженцы Командорскихъ острововъ, поднимаются на сѣверъ съ тою особенностью, что одна половина ихъ, придерживаясь Курильскихъ острововъ и Камчатки до м. Столбоваго, направляется уже потомъ на лежбища о. Беринга, тогда какъ другая отъ Итурупа прямо плыветъ къ о. Мѣдному. Всѣ наблюденія стариковъ-алеутовъ убѣждаютъ васъ въ такомъ предположеніи; точно также и въ обратный путь коты уходятъ разными путями. На о. Мѣдный коты приходятъ на 1—2 недѣли

раньше; здѣсь въ концѣ мая (24-го, 1893 г.) уже начинаются отгоны, тогда какъ на Берингѣ въ это время звѣря совсѣмъ мало. Коты съ сѣвернаго лежбища уходятъ на с.-з., по направленію къ мысу Столбовому, гдѣ ихъ находятъ тысячами даже въ декабрѣ (4 дек. 1890 г.), откуда они спускаются вдоль Камчатскаго берега, причемъ нѣкоторые молодые экземпляры, уставая, отстаютъ и погибаютъ въ разныхъ бухтахъ. Камчадалы видали кота въ р. Камчаткѣ около сел. Ключевскаго; я нашелъ мертваго молодого котика въ одной изъ бухточекъ Кавачи въ концѣ октября 1892 г.

Оцѣнивая всѣ вышеприведенныя данныя, подробности которыхъ здѣсь не мѣсто разбирать, при рѣшеніи вопроса объ охранѣ морскаго котика, мы должны стать на совершенно особую точку зрѣнія. Исторія охоты и промысловъ даетъ много поучительныхъ примѣровъ истребленія цѣлыхъ родовъ сухопутныхъ и морскихъ животныхъ: еще недавно на о. Берингѣ не стало морской коровы (Rhitina borealis); та же участь въ скоромъ времени ждетъ морскаго бобра.

Исходной аксіомой нужно признать условія размноженія и переселенія котика: безусловно не бить звѣря въ морѣ, такъ какъ матка, забеременѣвъ, скоро уходитъ съ лежбища, держась на Sealing-ground's, и такимъ образомъ, служа главной добычей шхунъ, промышляющихъ въ морѣ. Не убитая здѣсь и спустившаяся на зиму къ берегамъ Ниппона, она вторично подвергается здѣсь выстрѣламъ хищниковъ, которые преслѣдуютъ дорогую добычу, систематично, отъ Боннинъ-сама до южныхъ Курильскихъ острововъ, гдѣ хищники уже теряютъ изъ виду котиковъ, вѣроятно, быстро проходящихъ это глубокое мѣсто океана.

Беря отдѣльно сѣверо-западный районъ Тихаго океана и въ частности районы Командорскихъ о-въ, Камчатки и Сахалина, на основаніи вышеуказанныхъ соображеній, мы должны стремиться къ абсолютному запрету промысла котовъ въ морѣ; но такъ какъ морской котикъ всего этого района на зиму собирается у восточныхъ береговъ Ниппона, смѣшиваясь съ курильскими собратьями, то и Японія въ правѣ желать того-же самаго. Медленное размноженіе котика и желаніе сохранить эту породу животнаго для всеобщей экономіи, въ ущербъ отдѣльнымъ промышленнымъ лицамъ, заставляютъ добиваться запрета промысла котовъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ — въ морѣ, — тѣмъ болѣе, что обычаи и привычки этого животнаго позволяютъ болѣе разборчиво и экономно промышлять его только на берегу. Кромѣ того, для Курильскихъ и Командорскихъ острововъ морской котикъ является вопросомъ жизни или смерти, такъ какъ жители этихъ пустынныхъ острововъ, съ уменьшеніемъ промысла и истребленіемъ котика, лишаются главнаго источника заработка и пропитанія.

Мы понимаемъ все безсиліе международныхъ адвокатовъ и сторонниковъ книжной юриспруденціи на парижскомъ конгрессѣ въ рѣшеніи вопроса объ охранѣ дорогого животнаго; по нашему крайнему разумѣнію, veritas naturae всегда выше логическихъ мудрствованій юристовъ.

Другаго раціональнаго научнаго способа охраны морскаго котика нѣтъ и не можетъ быть; поэтому, по соглашенію съ Японіей, которая въ настоящее время обратила серьезное вниманіе на промыслы морскаго котика [1]), мы должны снова возбудить этотъ вопросъ для международнаго рѣшенія, но на новой почвѣ.

Д-ръ **Н. Слюнинъ.**

Печатано по распоряженію Россійскаго Общества Рыбоводства и Рыболовства.

Спб. Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

0-10.

II-37263p.